

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

С.Е. ПАНИН

«ПЬЯНАЯ» ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В 1920-е ГОДЫ

Взаимосвязи различных форм девиантного поведения сложны и противоречивы. Они соотносятся не как причина и следствие, а как рядоположенные социальные явления с едиными социальными корнями, которые могут либо совпадать, усиливая друг друга, либо «разводиться» в обратной зависимости, подавляя одно другое [1, с. 61–62]. Пьянство не является причиной преступности, но между ними существует нерасторжимая связь, и рост потребления спиртного всегда сопровождается ростом преступности. «Пьяные» преступления, то есть преступления, совершенные в состоянии опьянения, играли и играют важную роль в обострении криминогенной ситуации как в России, так и в других странах. Рассмотрим, какое влияние оказывало употребление алкоголя на преступность в России в 20-е годы XX в.

Мы будем оперировать данными судебной статистики. В сравнении со сведениями, имеющими иное «ведомственное» происхождение, она более объективна¹. Вместе с тем приводимые данные отражают основные тенденции развития «пьяной» преступности в 1920-е

Панин Станислав Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и методики преподавания истории исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Адрес: 440026 Пенза, ул. Лермонтова, д. 37. Телефон: (8412) 463-671. Электронная почта: postam@sura.com.ru

¹ Конечно, систему судебной статистики преступников, совершивших преступления в состоянии опьянения, трудно назвать прекрасно организованной. Во-первых, в исследуемый период остро стояла проблема со сбором сведений из регионов и их обработкой. Во-вторых, заполнение «Статистического листка об осужденных» после приговора суда вызывает некоторые сомнения в достоверности приводимых в нем сведений.

годы лишь ориентировочно. Дело в том, что на совершение преступления помимо алкоголя влияют и другие факторы, которые невозможно выявить при статистическом анализе. Кроме того, статистические данные не всегда адекватно отражают сложившуюся ситуацию. Во-первых, легче задержать преступника в состоянии опьянения, чем трезвого. Во-вторых, исследователь нередко вынужден использовать весьма субъективные сведения, основанные не на прямых измерениях уровня алкоголя в крови преступника, а на личных впечатлениях сотрудников правоохранительных органов.

На протяжении исследуемого периода в результате действия комплекса причин наблюдался постоянно прогрессирующий рост потребления спиртного. Так, если принять расход рабочей семьи на спиртные напитки в 1922 г. за 100%, то в 1923 г. он составил 166,7%, в 1924 — 466,7%, в 1925 — 1222,3%, в 1926 — 1344,5%, а в 1927 — 1760,0% [2, с. 28]. Наиболее сильный рост начался с 1925 г., то есть с момента «возвращения» в страну 40° водки, выпуск и продажа которой увеличивались год от года. В РСФСР на душу населения 1924–1925 гг. приходилось 0,48 л «хлебного вина», в 1925–1926 — 1,85 л, в 1926–1927 — 3,2 л, в 1927–1928 — 4,06 л, а в 1928–1929 — 4,18 л. Наряду с водкой жители России охотно и в больших количествах употребляли самогон, пиво, вино, брагу, хмельные квас и мед и т. д. По данным ЦСУ и Центроспирта, в 1927–1928 гг. на душу населения пришлось в переводе на 40° алкоголь 8,7 л спиртных напитков (0,71 ведра), тогда как в 1913 г. среднедушевое потребление на территории России, соответствующей территории РСФСР, составило чуть более 8,61 л (0,7 ведра) [3, с. 33]. Данные об объемах выгнанного и потребленного в России самогона основаны на материалах анкетного обследования, проведенного ЦСУ в 1928 г. [4]. Исследователи 1920-х — начала 1930-х годов с большим недоверием отнеслись к этому источнику [5, с. 78]. Действительно, полученные данные явно занижены, они не подтверждаются сведениями с мест. Например, Пензенский губернский статистический комитет (ПГСК), проводивший параллельное обследование по требованию Пензенского губернского исполнительного комитета, обеспокоенного ростом выгонки и потребления самогона в регионе, установил, что если в 1912 г. жителями губернии было выпито 523 тыс. ведер водки, то в 1927 г. только самогона — 681 тыс. ведер, или на 25% больше. При этом сотрудники ПГСК предупреждали, что эти цифры ориентировочные и их следует увеличить как минимум на 20–25% [6, с. 62]. Конечно, каждый автор волен в выборе источников и оценке степени их достоверности, но как бы то ни было, очевидно: население советской России во второй половине 1920-х годов употребляло спиртных напитков больше, чем в дореволюционный период.

Необходимо, кроме того, учитывать, что изменилось «алкогольное меню». В Российской империи наиболее распространенным

спиртным напитком была высококачественная водка, в 1920-е годы — самогон. Это существенно повлияло на ситуацию, связанную с употреблением алкоголя. Во-первых, в отличие от водки, имевшей крепость 40°, крепость самогона, получаемого путем перегонки при помощи пара, — 40–50°, а при повторной перегонке — 60–80° [7, с. 90]. Во-вторых, примерно одна четвертая часть всего самогона делалась с применением примесей. Они использовались для большей «забористости» и, усиливая действие алкоголя, очень часто приводили к отравлению. Наиболее популярными примесями были: хмель, горчица, хрен, бензин, керосин, табак, полынь, перец, куриный помет, известь, купорос, мыльный камень, наркотики, белена, дурман, денатурат. В-третьих, лабораторные исследования 1920-х годов показали, что самогон давал ощущение повышенной крепости от содержащихся в нем резких и сильно действующих примесей (сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот и т. д.), которые не удавалось отделить от спирта при кустарном ведении производства. Этих примесей в самогонке было в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте, так называемой «сивухе», изъятой из продажи еще при царском правительстве по причине ядовитости. Таким образом, по разрушительному воздействию на организм потребителя самогон в несколько раз превышал водку [9, с. 40–41].

По мере роста потребления алкоголя росла и «пьяная» преступность (табл. 1). Доля лиц, осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения, с 1923 по 1928 гг. увеличилась более чем в 7,5 раза.

Таблица 1

Доля лиц, осужденных в 1923–1925 годах за преступления, совершенные в состоянии опьянения, в общей массе осужденных, %

Год	%	Год	%
1923	3,6	1926	17,9
1924	4,2	1927	23,9
1925	7,9	1928	27,3

Источник: [3].

И в городе, и в деревне рост «пьяной» преступности в 1920-е годы обгонял рост «трезвой» (табл. 2), однако различия в зависимости от места совершения преступления были весьма существенны. Так, если в городах число совершивших преступления в состоянии опьянения возросло с 1925 по 1928 гг. почти в 6 раз, а в трезвом виде — лишь в 1,7 раза, то в деревне соответственно в 7,5 раза и в 1,3 раза, иначе говоря, разрыв был больше. Явную диспропорцию между городом и деревней подчеркивают данные об увеличении числа осужденных за совершение преступлений в расчете на 10 тыс. населения (табл. 3). В городах в течение всего рассматриваемого периода этот показатель был выше, чем в деревнях.

Таблица 2

Доля лиц, осужденных за преступления, совершенные в состоянии опьянения и в трезвом виде, в городе и деревне, %

Год	Совершившие преступление в состоянии опьянения		Совершившие преступление в трезвом виде	
	Город	Деревня	Город	Деревня
1925	100,0	100,0	100,0	100,0
1926	315,5	327,5	122,2	114,1
1927	389,0	518,4	115,1	116,9
1928	593,6	755,7	173,9	132,6

Источник: [3].

Таблица 3

Доля осужденных в городе и деревне на 10 тыс. населения

Год	Число осужденных за преступление, совершенное:			
	в состоянии опьянения		в трезвом виде	
	Город	Деревня	Город	Деревня
1925	6,9	2,0	60,9	31,1
1926	20,7	6,4	69,6	34,9
1927	24,4	10,0	63,2	35,1
1928	35,3	14,3	90,3	39,1

Источник: [3].

Анализируя соотношение городской и сельской преступности в России в 1920-е годы, М.Н. Гернет отмечал, что преступность всегда больше там, «где при современных условиях интенсивнее общественная жизнь» [9, с. 159]. По официальным данным ЦСУ и Центроспирта, в 1927 году на душу населения в деревне приходилось 7,52 л 40° алкоголя (в 1913 г. — 6, 51 л), в городе — 13,4 л (в 1913 г. — 22,67 л). На этом основании делался вывод, что в новой России в деревне за счет самогона пьют больше, чем до войны, а городское потребление, превышающее сельское, тем не менее, еще не достигло довоенных показателей. Это утверждение достаточно спорно. Во-первых, в своих подсчетах ЦСУ исходило из предположения, что «самогонка изготавливается в деревне, там употребляется и в город не попадает» [4, с. 16]. Между тем, хотя со времени разрешения продажи сорокаградусной водки (1925 г.) самогонование в городах действительно почти прекратилось, пить самогон здесь не перестали. Товарный самогон поступал в города из ближайших деревень и входил в качестве обязательного компонента в «алкогольное меню» горожан. К примеру, по данным ПГСК, в Пензе каждый рабочий выпил 6,72 бутылки самогона, а служащий — 2,76 бутылки [10, с. 23–24]. Во-вторых, при сравнении данных 1913 г. и 1927 г. не учитывались наработки Д.Н. Воронова, который исследовал потребление спиртного не

с точки зрения нахождения места продажи, а исходя из того, кто купил и выпил [11]. Он подчеркивал, что в новых исторических условиях крестьяне не только не покупают в городах спиртное, но и наоборот, поставляют туда товарный самогон [12, 13, 14]. Если бы сотрудники ЦСУ и Центроспирта в своих подсчетах учитывали это обстоятельство, то при сравнении данных 1913 г. и второй половины 1920-х годов, им пришлось бы констатировать, что авангард новой власти — рабочие — являются основными потребителями алкоголя в городах и в советской России они пьют ничуть не меньше, чем в Российской империи. Соответственно, преступления в состоянии опьянения в городах совершались чаще, чем в сельской местности.

По «половому признаку» «пьяная» преступность отличалась от трезвой. В среднем в России в 1920-е годы 85% всех преступлений совершали мужчины, 15% — женщины, а в состоянии опьянения 97% — мужчины и лишь 3% женщины. Причины кроются в различиях «мужской» и «женской» моделей потребления алкоголя, в которых проявляются две «алкогольные субкультуры» со своими нормами поведения. Мужчины пьют значительно чаще женщин, чаще бывают в состоянии опьянения, при этом средняя доза спиртного, потребляемого за один раз, у них намного больше [15, с. 170]. Например, средняя российская женщина выпивала тогда водки в 5 раз, вина в 6 раз и пива в 30 раз меньше среднего мужчины [16, с. 5].

С 1923 по 1928 г. среди осужденных мужчин доля «пьяных» преступников увеличилась более чем в 7,5 раз, а женщин — в 6 раз. При этом сохранялись различия в темпах роста мужской и женской «пьяной» преступности в зависимости от места совершения преступления.

В 1928 г. из каждых 100 «мужских» преступлений были совершены в состоянии опьянения в городах — 33 и в деревне — 30, а у женщин соответственно 7 и 3. Превалирование городской женской «пьяной» преступности над деревенской объясняется тем, что в советских городах в то время происходили достаточно быстрая ломка традиционных стереотипов «женского» повседневного поведения и принятие «псевдомужского» типа, в том числе и в отношении употребления алкоголя.

На фоне постоянного роста «пьяной» преступности как в городе, так и в деревне в целом особенно выделяются преступления, связанные с оскорблением власти (50%), присвоением власти (41,1%), а также массовые беспорядки и бандитизм (с 2,1% в 1925 г. до 16,7% в 1927 г.). В имущественных преступлениях роль алкоголя более заметна (в 1925 г. — 5,8%, в 1927 — 13,8%). Среди грабителей доля пьяных увеличилась с 13,1% в 1925 г. до 32,4% в 1928 г. В наименьшей степени влияние алкоголя сказывалось на должностных преступлениях (в 1927 г. — 2,2%, в 1928 — 3,1%). Однако традиционно вы-

сока была доля «пьяных», осужденных за дискредитацию власти (80%), а также за поджог (от 31,8% до 47,2%).

Исключение с точки зрения роста «пьяной» преступности составляли лишь контрреволюционные преступления, более того, в 1927 г. осужденных, совершивших такое преступление в состоянии опьянения, практически не было.

Под воздействием алкоголя совершалось больше всего бытовых преступлений, в первую очередь — преступлений против личности. В 1925 г. таковых зафиксировано 16,1%, в 1926 — 39,5%, а в 1927 — 49,6% [8, с. 130]. Среди подобных преступлений выделяются хулиганство, тяжкие телесные повреждения и умышленные убийства. В городе они совершались чаще (в 1927 г. на 9,6%), чем в деревне.

Некоторые авторы справедливо полагают, что агрессивное поведение во многом контролируется посредством побуждающих и сдерживающих сигналов, и оно имеет место лишь в том случае, «если влияние провоцирующих сигналов, переработанных индивидом, оказывается сильнее, чем сопротивление сдерживающих сигналов» [17, р. 96]. Количество сигналов, доступных для восприятия человеком в состоянии алкогольного опьянения, снижается, действия других людей кажутся ему произвольными и поэтому вызывают агрессию [18, р. 415]. Когда количество провоцирующих сигналов минимально, агрессивное поведение практически сводится к нулю. Но дело в том, что в годы нэпа в досуговой и производственной повседневности жителей России внешние провоцирующие сигналы присутствовали в избытке, а внешние и внутренние сдерживающие сигналы были явно в дефиците [19, 20, 21].

При этом нельзя забывать, что в 1920-е годы изменился и сам потребитель спиртного. «Все специалисты сейчас, безусловно, сходятся в том, что современный алкоголизм отличается от довоенного. Война и революция с их потрясающими переживаниями, большее количество инвалидов и травматиков, в частности с ослабленной нервной системой, эпидемии, в особенности недоедание голодных годов и т. д., сделали многих менее устойчивыми против алкоголя, и реакции на алкоголь стали более бурными», — говорил в 1928 г. доктор Цираский (цит. по: [7, с. 54]). Все это в совокупности и определило значительное влияние алкоголя на этиологию преступности.

Из общего количества преступлений, зафиксированных в 1928 г., 22 их вида были совершены мужчинами в состоянии опьянения в городах чаще, чем в деревне. Исключение составляли убийства по неосторожности и при превышении пределов необходимой обороны, неосторожные телесные повреждения, клевета, разбой и грабеж, вымогательство и шантаж.

Сельские женщины «лидировали» лишь по трем видам преступлений, а именно: самоуправство, принуждение к занятию проституцией, сводничество и содержание притонов разврата, поджог.

Таблица 4

Доля совершивших преступления в состоянии опьянения, в общем числе осужденных по соответствующему виду (1928 г.), %

Вид преступления	Мужчины		Женщины	
	Город	Деревня	Город	Деревня
Массовые беспорядки и бандитизм	23,9	23,0	–	–
Сопrotивление и неисполнение законных требований власти	67,6	32,8	17,0	4,3
Лжедонос, лжесвидетельство	13,5	4,7	3,6	1,3
Оскорбление власти	69,5	53,7	28,7	5,8
Присвоение власти	53,7	46,2	–	–
Самоуправство	10,4	4,8	1,6	2,0
Приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков	5,3	2,4	1,4	0,6
Хулиганство	84,8	81,8	65,1	39,0
Убийство (умышленное)	53,2	50,5	9,7	3,2
Убийство (по неосторожности и при превышении пределов необходимой обороны)	20,8	23,7	15,1	3,4
Неосторожные телесные повреждения	19,3	29,4	–	–
Удары, побои и насилие над личностью	41,1	35,9	5,5	5,4
Половые преступления	44,0	39,9	–	–
Принуждение к занятию проституцией, сводничество и содержание притонов разврата	11,5	11,1	9,1	11,7
Оскорбления	29,3	25,6	3,7	2,8
Умышленные тяжкие и легкие телесные повреждения	56,6	56,5	10,5	7,5
Клевета	12,6	13,9	1,8	1,4
Разбой и грабеж	37,1	40,8	37,5	14,0
Кражи	17,0	13,0	8,0	3,3
Присвоение и растрата	8,6	4,0	2,9	1,1
Вымогательство и шантаж	28,6	34,7	–	–
Поджог и другие виды общественно опасного повреждения имущества	53,5	39,6	–	7,5
Другие виды повреждения и истребления имущества	73,5	56,5	18,0	8,2
Злоупотребление, превышение и бездействие власти	7,4	6,7	–	–
Дискредитирование власти	86,0	77,1	–	–
Должностные растраты	9,3	6,5	–	–
Истязания и насилие при исполнении служебных обязанностей	29,0	24,5	–	–

Источник: [6].

Как и прежде, «пьяная» преступность являлась прерогативой сильного пола. Чрезвычайно высока доля осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения по таким чисто мужским видам, как хулиганство (84,8% в городе и 81,8% в деревне) и дискредитирование власти (86,0% в городе и 77,1% в деревне). Процент женщин-хулиганок в 1920-е годы был чрезвычайно низок. Например, по данным ЦСУ за 1925 год, среди всех осужденных за хулиганство женщины составили лишь 4%. При этом большинство были горожанками [22, с. 143]. Исследователи, изучавшие женское хулиганство 1920-х годов, пришли к выводу: «Женского хулиганства почти не существует, мы имеем дело чаще всего или с психической болезнью, или действиями, являющимися защитной истерической реакцией. Основная масса осужденных за хулиганство женщин — проститутки, воровки, и осуждены они за поступки, которые являются постоянными и неизбежными спутниками их... жизни, пропитанной водкой, кокаином, руганью, скандалами и драками [23, с. 149]. В целом кардинальных изменений не произошло, пьянство продолжало играть значительную роль в этиологии преступности, особенно в преступлениях против личности, причем число последних в отличие от дореволюционного периода, увеличивалось быстрыми темпами.

Исследование влияния пьянства на преступность не может быть ограничено констатацией числа «пьяных» и «трезвых» преступников и описанием кривых роста потребления алкоголя и преступности. Необходимо выявить такие характеристики «пьяной» преступности, как характер потребления алкоголя, социальный состав осужденных, рецидив и др. Воспользуемся результатами обследования преступников, проводившегося Московским кабинетом по изучению преступности в 1920-е годы (6 тыс. анкет за 6 лет), опубликованными А. Герцензоном [8]. В противоположность данным официальной моральной статистики, учитывавшей лишь наличие или отсутствие опьянения в момент совершения преступления, анкета Московского кабинета позволяет вычленить влияние пьянства на преступность по ряду специфических признаков.

Судя по таблице 5, чаще всего преступления совершали хронически пьющие (55,5%) и употреблявшие алкоголь от случая к случаю (35,4%). Примечательно, что с 1923 по 1927 гг. среди обследованных московских «пьяных» преступников доля «пьющих от случая к случаю» возросла с 46,3% до 54,3%, «хронических» — с 24,3% до 31,5%, а «запойных» лишь с 3,0% до 3,7%.

Данные таблицы 6 рисуют картину по отдельным видам преступлений. Как явствует из приведенных цифр, преобладали лица, для которых характерно случайное потребление, среди тех, кто был осужден за имущественные преступления, высока доля хронически пьющих, и, наконец, среди растратчиков относительно много запойно пьющих.

Таблица 5

Характер употребления алкоголя при совершении преступления, %

Преступление совершено	Характер потребления алкоголя			Итого	Не пьют
	Случайный	Хронический	Запойный		
В пьяном виде	35,4	55,5	9,1	100,0	-
В трезвом виде	15,4	3,9	1,3	20,6	79,4

Источник: [6].

Таблица 6

Характер употребления алкоголя преступниками, %

Вид преступления	Всего, абс	Употребляют алкоголь, %	В том числе		
			Случайно	Хронически	Запойно
Кража	2955	57,5	33,4	20,3	3,8
Мошенничество	441	60,6	38,6	18,6	3,4
Грабеж	626	67,4	37,4	26,3	3,7
«Социально-опасные»	433	63,7	29,1	31,7	2,9
Растраты	507	77,8	52,7	20,0	5,1
Убийства	236	74,1	51,1	19,8	3,2
Хулиганство	270	83,6	61,1	21,1	1,4
Всего	5468	63,1	37,8	21,7	3,6

Источник: [6].

Таблица 7

Характер употребления алкоголя преступниками и их социальное положение, %

Социальное положение	Всего обследованных, абс	Характер употребления алкоголя			
		Случайное	Хроническое	Запойное	Итого
Рабочие	568	50,0	17,1	3,0	70,1
Крестьяне	160	50,6	11,3	3,8	65,7
Служащие	795	48,6	19,5	3,1	71,2
Безработные	641	39,9	14,8	3,0	57,7

Источник: [6].

Что касается социального положения обследованных, то здесь выделяются две категории — рабочие и служащие (табл. 7). При этом среди последних преобладали служащие из сельской местности. Это

закономерно, поскольку именно рабочие в городах и служащие в деревне являлись наиболее пьющими социальными группами, стабильно употреблявшими алкоголь. К примеру, в 1926–1927 г. государство получило акцизного дохода со всех спиртных напитков на душу населения — в городах: от рабочих — по 11 руб. 11 коп., от служащих — 3 руб. 83 коп.; в деревне: от середняков — 2 руб. 58 коп., от служащих — 11 руб. 40 коп. (цит. по: [24, с. 4]). В этих же социальных группах среди «пьяных» преступников была относительно высокая доля хронически пьющих. По мере роста числа судимостей растет не только число употребляющих алкоголь, но и доля хронически (с 13,7% до 47,6%) и запойно (с 2,5% до 7,6%) пьющих. Таким образом, можно предположить, что формирование социальных и политических институтов Советской России происходило на фоне алкоголизации и криминализации населения. В 1930-е и последующие годы ситуация существенно менялась, но эти проблемы оставались исключительно острыми на протяжении всей советской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения и социального контроля: Краткий очерк // Рубеж. 1992. № 2.
2. Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М.: ЦСУ РСФСР, 1929.
3. *Шепилов Д.* Алкоголизм и преступность. М.–Л.: НКВД РСФСР, 1930.
4. Алкоголь в современной деревне. М.: ЦСУ РСФСР, 1929.
5. *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4.
6. *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии). Пенза: ПГПУ, 2002.
7. *Воронов Д.Н.* Алкоголь в современном быту. М.–Л.: Госиздат, 1930.
8. *Герцензон А.* Современная преступность и алкоголизм // Советское государство и революция права. 1930. № 3.
9. *Гернет М.Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М.: ЦСУ СССР, 1927.
10. *Панин С.Е.* Потребление самогона в советских городах во второй половине 20-х годов XX в. // Платоновские чтения. Самара: Самарский университет, 2002.
11. *Воронов Д.Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза: Тип. А.И. Раппопорта и К, 1913.
12. *Воронов Д.Н.* Динамика «самогона» // Административный вестник. 1929. № 3.
13. *Воронов Д.Н.* О самогоне. М.–Л.: Государственное медицинское издательство, 1928.
14. *Воронов Д.Н.* О статистических методах исследования вопроса о массовом алкоголизме. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1913.

15. *Шурыгин И.И.* Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 1996. № 1/2.
16. *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М.: Общество борьбы с алкоголизмом, 1929.
17. *Taylor S., Leonard K.* Alcohol and Human Physical Aggression // Aggression: Theoretical and Empirical Reviews. 1983. V. 2.
18. *Pernanen K.* Alcohol and Crimes of Violence // The Biology of Alcoholism. Social Aspects of Alcoholism. 1974. V. 4.
19. *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. 1998. № 1/2.
20. *Зудин И., Мальковский К., Шаламов П.* Мелочи жизни. Л.: Прибой, 1929.
21. *Коган Б.Б., Лебединский М.С.* Быт рабочей молодежи. М.: Молодая гвардия, 1929.
22. *Укше С.* Женщины, осужденные за хулиганство // Хулиганство и хулиганы / Под ред. и с пред. В.Н. Толмачева. М.: НКВД РСФСР, 1929.
23. *Рапопорт А.М., Харламов А.Г.* О женском хулиганстве // Хулиганство и поножовщина / Под ред. Г.М. Сегала, У.М. Файнберга. М.: Мосздравотдел, 1927.
24. *Ларин Ю.* Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М.: Общество борьбы с алкоголизмом, 1929.